
Философско-методологические проблемы

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД КАК ПУТЬ К ПРИЧИННОМУ ОБЪЯСНЕНИЮ В ПСИХОЛОГИИ

Т.В. КОРНИЛОВА

Корнилова Татьяна Васильевна — профессор кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор психологических наук. Ее научные интересы охватывают психологию мышления, мотивации, риска, а также методологию психологии. Т.В. Корнилова является автором более 120 работ, среди которых — «Введение в психологический эксперимент» (1997), «Экспериментальная психология» (2002), «Диагностика мотивации и готовности к риску» (1997), «Психология риска и принятия решений» (2003), «Подростки групп риска» (2004, совместно с С.Д. Смирновым и Е.Л. Григоренко), «Методологические основы психологии» (2006, совместно с С.Д. Смирновым).
Контакты: tvkornilova@mail.ru

Резюме

Опора на экспериментальную парадигму — то общее, что объединяет научные школы в психологии. Экспериментируя, исследователь разрабатывает определенные экспериментальные модели, отражающие его понимание причинно-следственных отношений в изучаемой психологической реальности. В статье анализируются основы экспериментального метода и ошибки в его представлении с позитивистской платформы, «описательной» психологии и в его противопоставлении гуманитарной парадигме в психологии.

Введение

Экспериментальный метод сыграл особую роль в процессе утверждения психологии в качестве самостоятельной науки. Если метод *интроспекции* рассматривался как предполагающий субъективную ин-

терпретацию данных самонаблюдения о состояниях сознания, то переход к экспериментированию поставил вопрос о возможности и критериях объективного знания в психологическом исследовании. Внешнее наблюдение, или *экстроспекция*, так же как и любые формы самоотчетов,

является лишь поставщиком эмпирических данных — это понимание сложилось после реализации программ бихевиоризма и реактологии. Любые типы данных в психологическом исследовании служат цели эмпирической проверки психологических гипотез. Однако способы обобщений при использовании разных методов организации исследования стали существенно различаться. Соответствующие проблемы выделения инвариантов методов обычно представлены в рамках курса «Экспериментальная психология». Название этой дисциплины фиксирует тот факт, что эксперимент в системе психологических методов выступил в качестве идеальной точки отсчета, по отношению к которой обсуждаются все другие способы сбора данных (Корнилова, 2002).

В.П. Зинченко, обсуждая выявленные О. Манделштамом приемы обращения к опыту в работе «О Данте», привел такой «панегирик экспериментированию», удивительно точно передающий отличие этого метода от иллюстративного пути обращения к эмпирии: «Антиномичность дантовского опыта заключается в том, что он мечется между примером и экспериментом. Пример извлекается из патриаршей торбы древнего сознания с тем, чтобы быть возвращенным в нее обратно, как только минет надобность. Эксперимент, выдергивая из суммы опыта те или иные нужные ему факты, уже не возвращает их обратно по заемному письму, но пускает в оборот» (цит. по: Зинченко, 1993, с. 8). Итак, в экспериментальном методе главное — не обращение к факту как к таковому, а процедура его установления и та логика рассуждения,

в рамках которой строится научное объяснение.

Отметим только три характеристики экспериментального метода в психологии, с которыми связана большая степень строгости (критичности) в эмпирической оценке теоретических гипотез.

1. Эксперимент предполагает *активное вмешательство* в изучаемые процессы и явления, при котором логика экспериментального вывода направляет построение предметной деятельности исследователя по сбору эмпирических данных.

2. В области формального планирования психологический эксперимент предполагает выполнение условий *причинного вывода*, сформировавшихся в естественнонаучной исследовательской парадигме. Это позволяет проверять *каузальные*, или *причинно-следственные*, гипотезы. Но психологическая причинность может пониматься иначе, чем причинность в материальном мире, поэтому реконструкции психологической реальности необходимо включать опору на положения той или иной психологической теории.

3. Гипотетико-дедуктивный характер экспериментального рассуждения не предполагает *доказательства* истинности гипотез, поскольку любые эмпирические закономерности допускают их выводимость из другой теории (пусть даже пока не сформулированной). Экспериментальный метод позволяет лишь проводить верификацию (опытную проверку) и фальсификацию гипотез (отвержение гипотезы как не соответствующей опытным данным).

Экспериментируя, исследователь разрабатывает определенные *экспе-*

риментальные модели, отражающие его понимание причинно-следственных отношений в изучаемой системе переменных, репрезентирующих психологическую реальность. И степень полноты таких репрезентаций отличает разные типы экспериментов (естественных, искусственных и лабораторных).

В какой степени понимание причины как воздействия (воздействующего условия) и закона как дедуктивно полагаемого объяснения эмпирически установленной закономерности распространяется на экспериментирование в психологии? Другими словами, в какой степени психологический эксперимент и психологические объяснения повторяют логику естественнонаучного пути проверки теоретических гипотез? Обычно ответы на эти вопросы упрощают проблему, сводя к дихотомии: 1) следование экспериментальному методу в психологии означает принятие схем естественнонаучного мышления; 2) психологическое объяснение не может строиться на пути естественнонаучного познания, поэтому экспериментирование — чуждый психологии путь. Содержательно иной ответ означал бы раскрытие того, в какой степени понятия психологической причинности и психологического закона изменили в психологии суть экспериментального метода и, соответственно, в какой степени экспериментальный путь адекватен специфике психологического знания.

Целью данной работы было подвести итог обсуждению того, как складывались представления о причинности в соответствии с принятым наукой Нового времени опреде-

ленного принципа объяснения (детерминизма) и как они изменялись в рамках методологического понимания психологических законов, учитывая парадигмальные изменения в естествознании и развитие неклассических идеалов рациональности в психологическом объяснении.

Экспериментальные модели как средство проверки психологических гипотез

В философских и науковедческих работах *моделирование* как вид познавательной деятельности ученого рассматривается в контексте соотношения мысленно устанавливаемых и реально представленных структурно-функциональных характеристик исследуемой реальности. При возможности выполнения условий причинного вывода в мысленной модели фиксируются как экспериментальные условия, так и предполагаемые гипотетические конструкторы, объясняющие закономерный характер постулируемых зависимостей.

Под *экспериментальной моделью* понимают оба случая создания специальных условий для выявления экспериментального эффекта — и в случае мысленного эксперимента, и в случае реально проводимого исследования. Собственно о моделирующем подходе в таком расширительном контексте говорить не следует. В зависимости от того, какие стороны исследуемой реальности ученый хочет отобразить в модели, отношение подобия между психологической реальностью и моделью может быть различным по форме представления (геометрическим, образным, символическим и т. д.). Понятно, что когда

речь идет о психологических теориях, то такого типа отношения подобия мыслятся и как метафоры.

Мысленное экспериментирование может как предварять, так и замещать сбор эмпирических данных.

При традиционном понимании модель рассматривается как воспроизводящая те или иные свойства психологической реальности в упрощенной, схематической форме. Обычно такое понимание модели характеризует так называемые теории «среднего уровня», которые претендуют на формализацию связей между переменными исходя из определенных представлений об исследуемых психологических зависимостях. Так, говорят о моделях селективного внимания Д. Бродбента или А. Трейсман, о модели мотивационной регуляции выбора целей Дж. Аткинсона или модели принятия решений А. Тверски — Д. Канемана и т. д. Научная теория при этом выполняет аналитическую функцию прояснения структурно-функциональных связей между переменными, учтенными в модели. Экспериментальная проверка следствий из этих моделей строится на пути выдвижения каузальных гипотез о том, что какая-то переменная может рассматриваться в качестве причинно действующей.

Экспериментальная *гипотеза* — связующий мост между теорией и эмпирической реальностью (в том числе психологической). Звено гипотез — вот, согласно В. Дильтею, шаткая основа, с которой стали связывать в психологии перспективы научного объяснения (неприемлемые для описательной психологии) (Дильтей, 2001). Однако, с точки

зрения К. Поппера, в работе которого в 1934 г. были эксплицированы нормативы размышлений в экспериментальной науке, это звено — единственный путь движения к объективному знанию (см.: Поппер, 1983).

Осуществление экспериментальных *воздействий* — отражение активного отношения к изучаемой реальности при следовании экспериментальному методу. Обсуждение возможности тех или иных психологических воздействий породило множество мифов вокруг экспериментирования (сводимого к манипулятивным техникам) и несовпадение в оценках его места в психологии.

Отождествление причин, имеющих разные формы и суть, с одной стороны, и причинно-действующих условий в эксперименте — с другой, можно считать первым из заблуждений, не позволяющих должным образом оценить экспериментальный путь получения знаний психологией как самостоятельной наукой. И для такой оценки важны как история изменения понимания детерминации в естественнонаучном познании, так и методологические изменения в представлениях о сути психологической причинности. Анализ роли экспериментального метода в позитивизме — отдельная область обсуждения, которую мы сейчас опустим, поскольку из психологических школ только одна (бихевиоризм) ориентировалась в построении объяснения на соответствующую платформу. Другие школы шли по пути реконструкции психологической реальности теоретико-эмпирическими методами (в том числе и экспериментальным).

Различия античного понимания причинности и сложившегося на стадии классической науки

Чтобы более четко представить вклад развития экспериментального метода в изменения понимания причинности, следует вернуться в глубь веков — к учению Аристотеля, выделившему четыре вида причинности.

Различие в понимании причинности у античных мыслителей и исследователей в эпоху классической науки состоит в том, что в эпоху античности причинность не связывалась с *воздействием*. Утверждение же понимания физической причинности как включающей представление о том, что одна материальная точка может действовать на другую, отдаленную в пространстве и времени, оказалось тесно связанным с развитием естественнонаучного познания в Новое время. Понятие *целесообразности* в начале этого этапа еще не рассматривалось в контексте приспособления индивида (организма) к среде.

Всего, согласно «Метафизике» Аристотеля, следует выделять следующие четыре вида причин, связанных между собой:

- первая причина (*causa materialis*) — материя или субстрат;
- вторая (*causa formalis*) — формальная, а точнее, причина формы или образа вещи, отражающая «сущность, или суть бытия вещи»;
- третья — целевая причина (*causa finalis*) — «то, откуда начало движе-

ния»; при этом под движением имеется в виду не только пространственное перемещение, но и качественное изменение;

– четвертая (*causa efficiens*) — причина, противоположная последней, а именно «то, ради чего», или «благо».

Его метафора изготовления вещи как деяния мастера демонстрирует, что ни одна из названных причин не подлежит рассмотрению в каузальной связи, так как ни одна не является воздействующей¹.

Человек является природным телом, но для него целевая причина лежит в Уме (Нус по Аристотелю). Аристотель мыслил душу и тело нераздельными, и его целевая причина выражала установку, что «природа ничего не делает напрасно». *Телеологический* характер третьей причины означал первоначально ориентированность на цель того, в чем нераздельно представлено биологическое и психическое. Это скорее целесообразность, чем направленность действия психологически понятой целью (как сознательным предвосхищением).

В религиозном учении Августина телеологичность как целевая направленность приобрела форму *индетерминизма*. Но развитие науки выдвинуло иной принцип причинности, за которым и закрепилось название каузального; и он означал прорыв в понимании причины — как *воздействия*, следствие которого

¹Согласно другой линии размышления, платоновской, такое деяние означает событие, или «переход и выход чего бы то ни было из несуществования к присутствию» (Платон, «Пир»). Умение, или техника, также не является причинно действующим фактором. Оно лишь выводит сущее из потаенного, обеспечивает его присутствие, но не причину.

предопределено *законом* (задающим необходимость и достаточность условий для его проявления). Причинно-следственный вывод как научный вывод о каузальных взаимоотношениях между явлениями не был развитием аристотелевских представлений о причине в смысле «начала движения».

На классическом этапе развития науки произошло удвоение в понимании причинной детерминации. С одной стороны, причина заложена в необходимости, связываемой с проявлением *закона* как логической координации, в рамках которой находят свое детерминистское объяснение эмпирические закономерности. С другой стороны, проявление этой необходимости реализуется в связи с *причинно-действующими условиями*, где в качестве воздействия выступает управляемый исследователем фактор, названный впоследствии независимой переменной. Фиксация следствий действия этого фактора — как эмпирически проявляемых изменений — основа реконструкций *закона*, или прорыва мысли к теоретическим обобщениям.

Позже соотношение индивидуального — частного и общего — закономерного было переосмыслено в переходе от *механистического* детерминизма к представлениям о *вероятностном детерминизме*. Вероятностная оценка детерминистски сформулированных гипотез — один из «парадоксов» современного экспериментального знания.

Понятие случайного события перестало противоречить лапласовскому представлению о детерминизме после выхода в свет работы «Основы теории шансов и вероятностей»

(1843) А.О. Курно, французского философа-идеалиста, математика и экономиста, который обсудил проблему неадекватности законов *механики* для «живых существ, обладающих мышлением и нравственностью», и онтологизировал представление о случайном событии (независимые причинные цепочки событий иногда пересекаются, мы их называем случаем).

В работах Ч.Р. Дарвина было положено начало причинному объяснению как достижению *целесообразности*. Следующим этапом утверждения *вероятностного* понимания причинной детерминации стало обнаружение в больших совокупностях сложных объектов закономерного действия регулярных причин (в меньших совокупностях затемняемых действиями причин нерегулярных), т. е. отличием *статистического закона* стало понимание его как проявляемого только в совокупности явлений.

Формирование самостоятельного научно-категориального аппарата также способствовало формированию психологии как отдельной области научных знаний. И критерии научности в психологии изменялись в связи и с изменениями в мировоззренческой картине мира, и с развитием понимания принципа причинности собственно в психологии.

Каузальность в классической науке и критический реализм К. Поппера

Классическая картина мира базировалась не только на принятии принципа детерминизма в научном объяснении. Одновременно она по-

лагалась и на экспериментальную парадигму, которая к окончанию Нового времени означала уже принятие определенной *логики проверки теоретических гипотез* на пути, выработанном в противовес индуктивному методу. Общей его основой, изложенной К. Поппером как методология *критического реализма*, стал путь движения науки ко все более правдоподобным гипотезам, предполагающий доказательства от противного в качестве общей логики гипотетико-дедуктивного вывода при установлении экспериментальных фактов с целью проверки научных теорий (Поппер, 2002).

Итак, совсем не позитивизм следует закладывать в основу так называемой *экспериментальной парадигмы* в науке. Его роль здесь была иной — связанной, в частности, с отказом от принципа объяснений наблюдаемых реалий с помощью ненаблюдаемых (идеальных) объектов и наведением порядка в логике научных высказываний. В отличие от методологии позитивизма методология экспериментирования с позиций критического реализма предполагала основное звено гипотез в теоретических реконструкциях и опору на понимание закона в картине мира. Другой вопрос в том, как эти разные методологии провозглашались и реально использовались в научных школах.

Три основных условия **причинного (каузального) вывода** были восприняты психологией вместе с включением экспериментального метода в качестве средства наиболее строгого способа проверки теоретических гипотез. Однако в XX в. в рамках практически всех психологических школ, за исключением бихевиоризма, экс-

периментальный метод реализовывался с определенными поправками на психологическое понимание причинности (прежде всего это касалось выполнения первого условия причинного вывода — причина предшествует следствию), характера психологического воздействия (проблема соотношения фиксируемых переменных и изучаемого базисного процесса) и учета взаимодействия с испытуемым, по отношению к которому «объектные» схемы изучения имели явно ограниченную область применения.

На неклассическом этапе развития естествознания произошли существенные изменения в понимании физической причинности. Утвердившаяся в философии (в работах В.С. Степина, М.К. Мамардашвили, П. Фейерабенда и др.) характеристика этапов развития науки — как классического, неклассического и постнеклассического — оказалась тесно связанной именно с переосмыслением идеи причинности и закона. Изменение понимания причинности в науке о микромире означало не только отказ от понимания физикалистской причинности в том виде, как оно сложилось в истории естествознания и было принято в схеме естественнонаучного эксперимента. Оно означало и изменение понимания *закономерности*. Физический закон служил дедуктивной логике объяснения в рамках детерминистского понимания «природных» явлений, включая принципы непосредственной передачи и прерывистости в причинном обусловливании. Это были принципы, отражающие *классический идеал рациональности* в познании. И, как отметил А.Г. Асмолов,

этот идеал стал тем троянским конем, которого дали психологии классическая философия и физика (Асмолов, 2002, с. 433).

Понятие закона уже использовалось психологией в XIX в. Но *закон ассоциаций* предполагал лишь непосредственное связывание содержания сознания. Включая предположения о причинно-действующих условиях и апелляцию к индуктивным выводам, он не апеллировал к объяснительным конструктам, данным в форме идеальных объектов и состояний. Условия (образования ассоциаций) не проявляли действия какого-то закона, а непосредственно связывали явление (ассоциации) и его объяснение (механизм ассоциаций) в одной и той же плоскости. Это было проявление *постулата непосредственности* применительно к пониманию детерминации психических явлений.

Начиная с галилеевского периода и к определенному этапу своего развития в XX в. (с парциальной временной привязкой в рамках достижений тех или иных наук) понятие закона стало связываться с тем пониманием причинного обоснования, которое соединило представление о *воздействующей* причине с осознанным (критическим) принятием определенной *логики* причинного вывода в экспериментальном исследовании. Эксперимент как метод проверки каузальных гипотез разделил представление о причине на уровне закона и на уровне причинно-действующих условий. Закон стал соотносить

представления о всеобщности, необходимости и объективном характере происходящих изменений. Закон как порядок стал противопоставляться хаотичности и случайности; на этом уровне рассмотрения положения закона — как формулирование причин и следствий — считались справедливыми всегда и везде, без исключений. Причины как условия означали иное представление — *кондициональное* — в понимании законообразности; здесь речь шла о необходимости и достаточности реальных, причем ситуационных условий для возникновения (генезиса) или изменения характеристик изучаемых явлений.

Закон как *логическая координация* полагался или опускался на пространство объясняемых явлений как частных проявлений общего закона. Картезианское раздвоение реальности и мысли о ней (в понимании закона) сосуществовало долгое время наряду с представлением о законе как отражающем сущностные свойства явлений (а не просто идеальные конструкции, дедуктивно проецируемые на реальность).

Важно отметить также, что понимание воздействующей причины связывалось в первую очередь с законами природы, или *естественными законами*. Общественная жизнь человека осмысливалась в ином понимании законов. Приведем только один из аспектов их понимания — противопоставление К. Поппером *нормативных законов*, или законов как установленных норм, естественным законам².

---

²«Нормативный закон, будь то правовой акт или моральная заповедь, вводится человеком. Его часто называют хорошим или плохим, правильным или неправильным, приемлемым или не-

Нормативные законы контролируются человеком — решениями и действиями сначала других людей, которые могут применять санкции (наказывать или предупреждать тех, кто нарушает закон или неписаную норму), а потом и самим человеком. Законы афинского полиса или десять заповедей можно рассматривать как типичные примеры нормативных законов (законов-норм). Социология в конце Нового времени построила критерии отличия общественных законов от природных. Но первоначально люди принимали либо позицию, которую можно назвать *натуралистическим монизмом*: законы общества так же естественны и неизменны, как и законы природы, — либо позицию *наивного конвенционализма*: все законы установлены человекоподобным богом или демоном. Наивный монизм, предполагавший единообразный характер всех законов, сменился со временем *критическим дуализмом*.

Критический дуализм в отношении законов означает лишь то, что нормативные законы, в отличие от законов природы, могут устанавливаться и изменяться человеком.

Другой аспект — тот, что человек имеет возможность выбирать, следовать ему или нет тем или иным законам. Его решение соблюдать или изменять их означает, что он несет моральную ответственность «не за те нормы, которые он обнаруживает в обществе, только начиная размышлять над ними, а за нормы, которые он согласился соблюдать, когда у него были средства для их изменения» (Поппер, 1992, с. 93). Результатом размышления может быть и желание изменить «сомнительные» нормы. Этим опасны новые гипотезы, возникающие у человека³.

Отметим, что в отечественной психологии изначально ставилась под сомнение ориентация на естественнонаучное понимание закона. Возможность построения психологии на основе научного пути, противопоставляемого метафизическому методу, обосновывал Л.С. Выготский в работе о кризисе в психологии (Выготский, 1982). Но программные заявления о необходимости построения естественнонаучного пути в психологии не означали для него обоснования единственности экспериментального метода. Напротив,

---

приемлемым, но "истинным" или "ложным" его можно назвать лишь в метафорическом смысле, поскольку он описывает не факты, а ориентиры для нашего поведения» (Поппер, 1992, с. 92). Нормы, являясь конвенциональными, т.е. возникшими в результате соглашения, являются искусственными, но также объективными в том смысле, что они не выдумываются человеком, который застает их в обществе.

³Не дать «вредным» гипотезам права на существование, избежать их обсуждения путем применения силы — это, по Попперу, основной критерий «закрытого общества». Давать возможность развиваться любым направлениям мысли — критерий открытого общества. Собственно, обращение к критическому дуализму, начала которого положены Протагором, и понадобилось Попперу для того, чтобы не только рассмотреть разницу в понимании законов природы и общества, но и ввести принципиально новый критерий различия обществ — открытого и закрытого, смена которых прослежена им от античности до наших дней.

именно школа Выготского дала психологии новый подход к пониманию экспериментального метода — уже в отказе от примата воздействующих причин в пользу гипотез о роли *самостимуляции* (при использовании стимулов-средств). В методологии Б.Ф. Ломова подчеркивалось философское понимание закона, связываемое с традициями диалектического материализма. В статье «Об исследовании законов психики», положившей начало дискуссии в «Психологическом журнале», он апеллировал к ленинскому пониманию однородности понятий закона и сущности, согласно которому закон есть «идентичное в явлениях», устойчивое и повторяющееся (Ломов, 1982, с. 18). Таким образом, термины «научное» и «естественнонаучное» не мыслились в психологии синонимами.

Формирование новых подходов к пониманию причинности в естествознании

Главное изменение, которое произошло в первой трети XX в., — это изменение понимания физикалистской причинности, что было связано не просто с проникновением статистических описаний в картину микромира, но и с кардинальным изменением понимания детерминации как причинно-следственной.

Включение вероятности в картину микромира вызвало дискуссию относительно возможности онтологизации свойств частиц, описываемых с использованием языка вероятностей. При этом физики могли оставаться на

прямо противоположных позициях. А в целом эти позиции ознаменовали очерчивание основных подходов в квантовой механике и философское осмысление возможности говорить о законах бытия материального мира.

М. Планк и А. Эйнштейн отстаивали единство физической картины мира и предполагали некоторую неполноту причинного обусловливания не в законах бытия, а именно в связи с неполнотой статистических законов (неполнотой квантовой механики). Добавим к этому обсуждение при построении современной неклассической картины мира *принципа неопределенности*, или проблему «постоянной Планка», как указания на ограничения в описании объекта мерой взаимодействия с ним в ходе физического измерения.

Н. Бор и другие представители копенгагенской школы разошлись с А. Эйнштейном именно в указании на то, что физические объекты (микромира) безотносительно к процессу их наблюдения (при физическом измерении) не существуют как физические реалии. Таким образом, был поставлен под сомнение один из основных мировоззренческих постулатов, соответствующих методологии классической физики, — принятие положения об объективной данности явлений как *независимых от познающего их субъекта*. В физике микромира, или в квантовой физике, оказалось, что они — измеряемые свойства физических явлений — конституируются процессом измерения, зависят от того, в каком опыте и какими средствами они отображаются⁴. Спор

⁴В 1930 г. дискуссия, по словам Н. Бора, приняла «драматический характер». Выбранный В. Гейзенбергом способ описания свойств элементарных частиц привел его к выводу о том, что

остался незавершенным. Позиция каждой стороны включала априорные допущения. Последующее изменение в понимании физической причинности стало развиваться в новых направлениях. Оно включило принцип *дополнительности* в физическую картину мира, принцип *сетевой организации знаний* — в описания устройства мира, а также и ряд интерпретаций принципа *неопределенности* как изменяющего представления и о *физическом детерминизме* в том числе (последнее представлено в популярной книге американского физика Ф. Капры (Капра, 1986)).

Если в переходе к *неклассическому* периоду развития науки основную роль сыграли достижения физики первой трети XX в., то переход к следующей *постнеклассической* стадии науки (в парадигмальном изменении принципов построения научного знания) был связан с достижениями в области культурологии, постпозитивистской философии, новых типов организации знаний. Эти основные вызовы классической картины мира обсуждаются М.С. Гусельцевой (Гусельцева, 2003).

Пока остановимся на следующем: и использование вероятностного принципа в социальном познании, и изменения в физической картине мира, и парадигмальная перестройка других наук (в частности, биологии) не отменили сосуществования в описании *закономерных* явлений представлений о детерминизме как основанном на понимании линейной причинности (при понимании причины как воздействующей или целевой) и

вероятностном описании (детерминистски представляемых явлений). Не решала проблему и методологическая переинтерпретация вероятности как аспекта мира или аспекта его описания при учете множественности причин, в разной степени регулярных и действенных.

Но появилось новое изменение, касающееся понимания причинности,— переход в естествознании к представлению о прерывистости причинности в ином аспекте — *саморазвития* динамических (физических) систем, понимания их как непрерывно закономерных. Тем самым разрушается основной принцип экспериментального размышления как гипотетико-дедуктивного вывода, когда в основу конструируемой экспериментальной модели кладется некоторая теоретическая гипотеза, полагаемая в рамках действия закона.

Но уже великим А. Эйнштейном обосновывался отказ от попыток замены принципом вероятностного детерминизма принципа причинности (его знаменитое «Бог не играет в кости»). Он продемонстрировал, что именно отказ от попыток полной каузальности — *тотального детерминизма* как всеохватывающего принципа причинности — приводит к полноте каузального описания физических явлений, когда «будущее перестает быть данным» в настоящем.

Холистическая парадигма, т. е. рассмотрение мира как взаимосвязанного целого, в XX в. стала заменять его структурное рассмотрение, предполагающее определенную архитектуру (физической реальности)

«атомным объектам не имеет больше смысла приписывать пространственную структуру» (цит. по: Завершнева, 2001, с. 72).

и раскрытие законов, согласно которым элементы образуют целое. Возникли совершенно новые представления о взаимосвязи — так называемые «бутстрепные» теории, предполагающие внутреннюю взаимосвязанность («зашнурованность») реальности. И так, идея тотального детерминизма исчезает даже в естественных науках, которые привлекают новые математические разработки для описания эволюции физических систем.

Параллельно этому в психологии сменяются как понимание психологического закона, так и представления о возможности единой психологической науки.

Множественность представлений о психологической причинности

Проблема интерпретации психологической причинности тесно связана с теоретическими установками и методологическими позициями авторов в отношении к построению психологического объяснения. Отметим сразу, что в психологии используется множество трактовок *причинности*: причинность мыслится и как синхронная, и как целевая, и как воздействующая и т. д. Говоря о психологической причине, исследователь только в одном случае имеет в виду классическую естественнонаучную парадигму — когда в исследовании реализуется проверка каузальной гипотезы, что тесно связано с формальным планированием эксперимента, в котором предполагается использование причинно-действующих условий, или экспериментальных воздействий на изучаемые процессы.

Кроме удовлетворения условиям причинного вывода, психологичес-

кое исследование, если оно претендует на статус экспериментального, сталкивается с еще двумя проблемами, которым реально авторы уделяют неодинаковое внимание, — проблемой *понимания причинности* в психологических теориях (и в объяснительном звене экспериментальных гипотез) и проблемой ограничения поля *конкурирующих* гипотез (как других объяснений по отношению к установленной эмпирически закономерности). Аспекты полноты представленной *системы переменных* и *направленности* связи между ними также важны при обсуждении специфики психологической причинности. Другой поворот темы — поиск отличий, т. е. специфики психологических законов как *динамических*, *статистических* (в противовес детерминистским утверждениям при физикалистском понимании причинности), как законов развития и т. д.

Разделение психологии на *описательную* и *объяснительную* произошло не по дильтеевскому критерию отказа от звена «спекулятивных» гипотез, а по типу научной практики, отличающей решение вопросов о феноменальных свойствах явлений и вопросов об их детерминации.

В статье «Закон и эксперимент в психологии» К. Левин, реализуя идею перехода к галилеевскому мышлению (т. е. классическому представлению о разделении дедуктивно полагаемых идеальных объектов, воздействующих сил и описываемых с их помощью взаимодействий между реальными явлениями), ввел в психологию представление о кондиционально-генетических законах (Левин, 2001а, б). Тип «научной

практики», которая, по его мнению, всегда важнее «философской идеологии» исследователя, привел к пониманию, что психологические закономерности, выходящие за область психологии ощущений (и далее идущие к процессам памяти и мышления, воли и чувств, т.е. высшим в традиционном⁵ разделении видов психических явлений), описываются скорее «полузакономерностями», или регулярностями с достаточной долей отклонений от их нормального протекания. Включение статистических методов для оценивания разброса данных привело к тому, что в *метод обоснования* (доказательства законообразного их характера) был введен критерий *количества* данных.

Этому К. Левин противопоставил «другую веру в закономерность психического» — основанную на содержательном развитии психологических знаний. Апеллируя к представлениям З. Фрейда, вюрцбургской школы, гештальт-теории, он противопоставляет ушедшей эпохе «психологии элементов» эпоху «психологии целостностей»: «Внешние движения, результаты действий, способы поведения и даже определенные переживания, которые, если их рассматривать в качестве изолированных явлений, представляются почти идентичными, выступая в качестве частей разного рода целостных процессов (т.е. будучи включенными в различные динамические целостности) могут психологически означать совершенно разное» (Левин, 2001а, с. 104).

Сущность закона должна соотноситься не с понятием множества (случаев), а с понятием *типа*. Для научного описания в принципе достаточно одного случая, если он является индивидуальным представителем типа. Тип же отражает каузальные связи в ситуации, или каузально-генетические свойства, которые не сводятся к феноменальным свойствам явлений, доступных непосредственному восприятию. Вывод закономерности на основе множества случаев — проблема индуктивного обобщения. На основе же содержательного развития теории возможно различение динамических факторов, одинаково причинно действующих в различных ситуациях. Иначе говоря, закон может *кондиционально-генетически* объяснять последовательности внешне совершенно разнородных процессов как представляющие один и тот же тип. И напротив, внешне (фенотипически) схожие процессы могут существенно отличаться по структуре своей каузальной обусловленности. Распознавание «действительных» целостностей, по К. Левину, это и есть предпосылка «для установления законов психических процессов». Закон отражает тем самым каузально-генетический тип процесса. Решающими для каузально-генетических взаимосвязей являются «величина и длительность существования системы сил, определяющих обсуждаемый процесс. Однако мы не имеем здесь возможности вдаваться в

⁵На современном этапе традиционным такое разделение уже не является, поскольку в каждой области изучения психологической реальности представлены разные уровни ее регуляции — натуральные и высшие, непосредственные и опосредствованные процессы и т. д.

этот вопрос о зависимости целостных процессов от *динамических* в узком смысле слова факторов» (Левин, 2001б, с. 124).

Учитывая концептуальные положения школы К. Левина, можно говорить о формулировке им понятия кондиционально-генетического закона как динамического (в представлении сил психологического поля). И в этом понимании важны обе составляющие: 1) общая, связанная с пониманием закона как сущности явлений, относимой к их причинно-следственному генезу; 2) специальная для этой теории составляющая — представление о целостностях и динамических силах, стоящих за каузальностью. Таким образом, эта первая развернутая трактовка психологического закона в период дифференциации психологических школ показывает, что без содержательного, т. е. концептуального, представления психологических понятий говорить о законах в психологии бессмысленно. В последующем развитии психологических методов вероятностной оценке стали уже подвергаться не законы, а статистические гипотезы, отделенные от уровня психологических гипотез и претендующие только на выполнение одного из условий причинного вывода — оценки достоверности или значимости результатов с точки зрения отвержения гипотез о том, что переменные не связаны. При отсутствии статистической связи, т. е. регулярности, искать между ними каузальные отношения бессмысленно. Но само по себе наличие связей никак не может рассматриваться в качестве каузально-генетического объяснения.

Иной тип психологического закона был предложен в концепции

Ж. Пиаже. Он рассмотрел закон как «логическую координацию», относимую к тем или иным психологическим (онтологическим) реалиям. За таким пониманием стояли три методологических основания. Во-первых, декартовское «*causa sive ratio*», что означает утверждение причины мыслью, а не выведение закона из природы. Во-вторых, общая методология, которой придерживался Ж. Пиаже: принятие той позиции, что логика может выступать средством описания структур интеллекта и в представлении процессов адаптации и аккомодации может уравновесить биологическую и психологическую составляющие причинного объяснения. При этом вопрос о причинном характере перехода от одной стадии интеллекта к другой Ж. Пиаже, придерживаясь теории спонтанного развития, заменял вопросом о становлении логических координаций (приобретающих в конечном счете характер группировок, описываемых логическими законами). В-третьих, он был одним из немногих психологов, кто последовательно реализовывал идею атеоретичности психологического подхода, который черпает свои основания именно из области эмпирии, не будучи отягощенным использованием тех или иных теоретических понятий. О мнимости такого рода методологии как «атеоретической» писал уже Л.С. Выготский.

Развитие же психологии в школах XX столетия показало, что психологические законы действительно необходимо стали определяться посредством использования понятий, раскрывающих содержание теоретической гипотезы о происхождении процесса. К. Левин оказался прав

если не в смысле определения каузального статуса закона, то в том, что о его сути нельзя говорить безотносительно к содержанию психологической теории.

Таким образом, суть психологического закона не может рассматриваться безотносительно к теоретическому осмыслению устанавливаемой эмпирически закономерности в системе психологических понятий. А содержание теорий действительно не совпадало в разных школах. Не динамика сил поля, а механизм опосредствования был предложен Л.С. Выготским для понимания происхождения и структуры высших психических функций. И закон, названный впоследствии законом «параллелограмма развития», не может сводиться к его внешнему выражению, а фиксирует определенное объяснение этого внешнего выражения отнесенностью к становлению стимулов-средств, преобразующих структуру психической функции.

Итак, в психологическом эксперименте проверяется *причинно-следственная*, или *каузальная*, психологическая гипотеза, и активность экспериментатора связана именно с тем, чтобы с помощью организации *экспериментальных воздействий* и других форм экспериментального контроля обеспечить обоснованный вывод о том, что полученные эмпирические данные соответствуют высказыванию: «Переменная X воздействует на переменную Y таким образом, что...» Обсуждение экспериментальной процедуры с точки зрения того, действительно ли управляемые экспериментатором различия выступают в качестве *причинно-действующих условий*, — лишь один из аспектов

принятия решения об установленной зависимости. Другими, не менее важными аспектами, связываемыми с этапами содержательного (а не формального) планирования и контроля за выводом, являются использование определенного психологического закона (гештальта, «параллелограмма развития» и т. д.), а также соотнесение теоретического конструкта (и связанного с ним объяснительного принципа) с экспериментальными фактами. Психологические реконструкции — существенная специфика вывода из психологического эксперимента в отличие от естественнонаучного (и бихевиорального).

Но одновременно в психологии представлены и иные взгляды на причинность, причем как на уровне разрабатываемых объяснительных принципов, так и на уровне обнаружения тех или иных эмпирических фактов и закономерностей.

Целевая причина как объяснительный принцип работает в совершенно разных психологических школах, т. е. явно связана с категориальными приобретениями психологии XX в. В работах Э. Толмена и К. Левина она дополняет причинно-следственный детерминизм. В исследованиях, реализующих положения теории деятельности, она соотносится с принципами активности и опосредствования. В культурно-исторической психологии и воздействующая, и целевая причинность как условия подчинены принципу автостимуляции, предполагающему переход от интерпсихической функции к интрапсихической. Целевая причина для ребенка — взрослый в возрасте акме — также не может считаться

воздействующей (пример В.П. Зинченко). Аналогом целевой причины можно считать двигательную задачу в физиологии активности Н.А. Бернштейна.

В психологических теориях присутствуют и варианты недетерминистского понимания психологической причинности.

В теории развития интеллекта Ж. Пиаже понятие причинности оказалось связанным с вопросом о стадильности развития; в частности, было обосновано синхронное понимание причинности. Согласно теории Пиаже, нельзя ставить вопрос о переходе ребенка с одной стадии развития на другую, обсуждая проблему взаимоотношений мышления и речи так, как она поставлена Л.С. Выготским. Со становлением функции означивания на стадии символического (или наглядного) интеллекта одновременно развиваются обе функции; логическая координация, а не воздействующая или иная «причина» положена в основу становления структур интеллекта (как группировок) — эти и ряд других положений теории Пиаже демонстрируют несводимость тех процессов, которые необходимо обсуждать в контексте проблемы развития, к классическим представлениям о причинности.

Введение К.Г. Юнгом принципа синхронистичности, в котором реализован радикальный отказ от представлений о воздействующей причине, рассматривается в современных методологических работах в качестве одного из критериев перехода от классической парадигмы к неклассической. Данный принцип, по замыслу К.Г. Юнга, должен послужить пониманию таких комплексов событий,

которые связаны между собой исключительно по смыслу и между которыми не существует никакой причинной связи.

В экзистенциальной психологии В. Франкла осуществлена такая «поправка» в психологической причинности, как разведение оснований, относящихся только к формам детерминации психики человека и к тем биологическим, или ноологическим, причинам, с которыми связаны физические воздействия или биологические законы. «Когда вы режете лук, у вас нет оснований плакать, тем не менее ваши слезы имеют причину. Если бы вы были в отчаянии, у вас были бы основания для слез» (Франкл, 1990, с. 58). Как и для Л.С. Выготского, для австрийского психиатра и психолога важен принцип опосредствованного понимания психологической причинности. Но он во главу угла ставит смысловую — специфически человеческую причинность, для которой личностный смысл и общение придают основание детерминистскому развитию событий. В. Франкл при этом противопоставляет не индетерминизм и детерминизм, а *пандетерминизм* и детерминизм; у него именно духовные основания рассматриваются как причинно действующие.

В работе «Исторический смысл психологического кризиса» показано, что основной проблемой для развития схем причинного вывода в психологии является картезианское наследие (Выготский, 1982). Отсутствие общепсихологической теории и различия в оценках адекватности предмету изучения используемых в психологии методов исследования остаются современными характери-

стиками кризиса. В то же время достаточная разработанность ряда общепсихологических теорий, использующих категориальные представления о включении тех или иных методов каузального объяснения в логику разработки собственно психологических понятий и — что не менее важно — в схемы методических подходов, соответствующих разным парадигмам соотношения теории и эмпирии в психологии (психологических законов и психологических фактов), демонстрирует скорее *полипарадигмальный* этап развития психологии как науки, чем *допарадигмальный*. Другой вопрос, что представление о «нормальной науке», введенное Т. Куном, для психологии дополняется еще одним звеном — расщепления ее на академическую и практическую.

С академической психологией связывают опору на экспериментальную парадигму как то общее, что объединяет научные школы в психологии. На самом деле речь сегодня может идти не о двух психологиях — академической и практической, а о двух направлениях в рамках собственно практической психологии. Во-первых, это те виды решения практических проблем (от психологии менеджмента до медицинской психологии), при которых исследователи и практики, осуществляющие психологическую помощь, опираются на психологические теории, используя ставшие для психологии классическими методы и разрабатывая новые. Во-вторых, это те направления в практической психологии, представители которых сознательно реализуют отказ от категориальных и методических средств традицион-

ной научной (академической) психологии, осуществляя либо отказ от представлений о предмете психологического исследования, либо заведомый поиск его в других, но никак не в категориальных глубинах осмысления психологических представлений.

Понятие *схизиса*, предложенное для замены понятия кризиса Ф.Е. Василюком (2003), связано с фиксацией именно этой области расщепления психологических представлений — как связанных или не связанных с исходными психологическими теориями (а значит, и с гипотетико-дедуктивным рассуждением в психологическом исследовании), а не с самим по себе обращением к решению практических задач, которое может строиться на основе получения и использования психологических знаний (включая звено теоретических гипотез). Рассмотрим далее только одно из оснований такого отказа от роли теоретических представлений в психологии (а значит, и от парадигмального подхода, поскольку без разработанной теории о парадигме в науке говорить не приходится) — не столько критику, сколько подмену представлений об экспериментальном методе в психологии.

Искажения в понимании экспериментальной парадигмы

Именно неприятие экспериментальной парадигмы служит одним из оснований развития указанного схизиса. Принцип плюрализма в психологическом познании предполагает развитие разных мировоззренческих установок и парадигм в организации психологической практики, в том

числе и исследовательской (Смирнов, 2005). И указанное неприятие имеет множественное обоснование (в частности, это апелляция к гуманистическому идеалу, о чем мы говорим в другой статье: Корнилова, Смирнов, 2005). В контексте данной работы важен иной аспект — искажения сути экспериментального метода.

Можно привести примеры того, как несоответствие обычному (академическому) пониманию целей и средств экспериментирования приводит к искажению методологического отношения к сути и возможностям психологического эксперимента в плане обобщений проверяемой и иной (конкурирующей) теорий.

Вопрос о том, в какой степени оправдано применение экспериментального метода с точки зрения специфики психологического понимания причинного воздействия, вновь и вновь подлежит обсуждению. Но в методологической литературе подчас именно обращения к бихевиористским схемам или психофизиологическому эксперименту рассматриваются как образцы неприемлемости экспериментального метода в психологии.

Обсуждая методологические основания физиологии активности Н.А. Бернштейна в противовес методологии И.П. Павлова, называемой (в перефразе К. Маркса) «мозговым фетишизмом», Ф.Е. Василюк отождествил схему выработки условного рефлекса с экспериментированием как методом вообще. Он кратко охарактеризовал экспериментальный метод, и в результате его суть — логика теоретико-эмпирической проверки каузальной гипотезы — была под-

менена. И эти две фразы следует привести, поскольку они показательны как пример: 1) произвольного (и по сути неверного для экспериментального метода) истолкования роли использования идеальных объектов в научном исследовании и 2) подмены одним из вариантов реализации естественнонаучного эксперимента (павловским) построения психологического эксперимента (в небихевиористских исследованиях). «Основная функция экспериментального метода в структуре научной концепции состоит в приведении реального объекта исследования в соответствие с основным идеальным объектом данной концепции (курсив Ф.В.). Реальный объект специальными процедурами и всяческими методическими ухищрениями как бы вталкивается в форму идеального объекта, там же, где это не удается, выступающие детали отсекаются либо технически, либо теоретически: их считают артефактами» (Василюк, 2003, с. 86).

Роль идеальных объектов при экспериментальной проверке гипотез всегда (и в естественнонаучном познании тоже) была иной: они в качестве гипотетических конструктов опосредствовали теоретическое объяснение и эмпирический факт, реализуя прорыв в обобщении, а именно задавая объяснительную часть в эмпирической гипотезе, где присутствуют измеряемые переменные и вид отношения между ними, но никак не объяснение этого отношения с содержательной точки зрения. Кроме того, здесь важно различие естественных, искусственных и лабораторных экспериментов в психологии. Только применительно к по-

следним обсуждается возможность операционализации психологического понятия (конструкта) в методических процедурах, причем с принятием всех условий ограничения в обобщении оно распространяется при таком типе экспериментирования на модель, а не на реальность, предположительно описываемую моделью. И путь от вывода о действительности (адекватности) модели на основе экспериментальных данных к ее объяснительным возможностям по отношению к психологическим реалиям в жизни здесь гораздо более долог (через сопоставительный анализ с другими теориями).

Суть эксперимента — не «втлкнуть» реальный объект (а для психологии — субъективную реальность) в форму идеального объекта, а проверять психологические гипотезы как эмпирически нагруженные высказывания, являющиеся связующим звеном между миром теории и психологической реальностью. Роль идеальных объектов при этом заключается в разработке *гипотетических конструктов*, служащих цели построения психологического объяснения, а не экспериментальной установки. Оценка репрезентативности экспериментальных условий проверяемой теоретической гипотезы представлена в таком пункте, как валидность — конструктивная и операциональная.

Если иметь в виду павловские схемы экспериментирования, то соответствующие споры (о приемлемости такого пути для психологии) завершились полвека назад, когда после знаменитой павловской сессии на совещании 1952 г. психологи устами Б.М. Теплова обосновали неприменимость павловской парадигмы для

психологии и экспериментального исследования психологической реальности. В известной работе Б.М. Теплова «Об объективном методе в психологии» критерием объективности выступило соответствие средств и организации исследования сути проверяемых психологических гипотез. За И.П. Павловым же пошла бихевиористы. И поэтому неслучайно, что сопоставлять павловский метод в психологии можно только с бихевиоральным, что и делает Ф.Е. Василюк: «Скиннер справедливо обвинял Павлова в создании "концептуальной" нервной системы, а сам, как мы видим, создал "концептуальную" среду» (Василюк, 2003, с. 130).

Это справедливое замечание о методе теории условных рефлексов никоим образом не может распространяться на те формы концептуализации, которые экспериментально проверяются как психологические модели. О роли экспериментальных моделей мы уже говорили выше. В психологическом эксперименте они соотносят «экспериментальную» деятельность испытуемого с теми другими видами деятельности, на которые будет распространяться обобщение или которые репрезентируют связи измеряемых переменных согласно гипотетической модели (а не идеальных объектов, как в классическом физическом объяснении).

Итак, гипотетические конструкты выполняют в психологии роль объяснительного звена — того звена, которое собственно в эксперименте и не проверяется. В этом они действительно схожи с объяснительным звеном «идеальных объектов» (в физическом объяснении, согласно классической

картине мира). Но идеальные объекты — составляющие теоретического физикалистского объяснения, а не переменные в психологическом исследовании, соответствующие той или иной экспериментальной модели. И роль их в физическом объяснении не может быть прямо соотнесена с ролью гипотетических объяснений в психологии в силу отнесенности их к иному миру теорий, с другими предположениями о причинности.

Таким образом, то понимание эксперимента, которое оспаривал Ф. Васильюк,— артефакт по отношению к миру психологических моделей и психологических объяснений. Оно не отражает соотнесения теоретических объяснений и экспериментальных моделей в психологии. Раскрытие этих связей может стать новым этапом методологического анализа специфики причинного объяснения в психологии.

Литература

- Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Васильюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ, Смысл, 2003.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.
- Гусельцева М.С.* Культурно-историческая психология: от неклассической к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
- Дильтей В.* Описательная психология. М., 2001.
- Завершнева Е.Ю.* Принципы неопределенности и дополнителности в квантовой механике и психологии: Проблема методологических заимствований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2001. № 4. С. 67–77; 2002. № 1. С. 75–80.
- Зинченко В.П.* Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 5–19.
- Капра Ф.* Уроки мудрости. М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996.
- Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Корнилова Т.В., Смирнов С.Д.* Психология в поиске новых методов и подходов. // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005. С. 201–222.
- Коул М.* Культурно-историческая психология: Наука будущего. М.: Когито-Центр, 1997.
- Левин К.* Закон и эксперимент в психологии // Психологический журнал. 2001а. № 2. С. 102–108. 2001б. № 3. С. 116–127.
- Ломов Б.Ф.* Об исследовании законов психики // Психологический журнал. 1982. № 1. С. 18–27.
- Смирнов С.Д.* Методологический плюрализм и предмет психологии // Вопросы психологии. 2005. № 4. С. 3–8.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.